

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

Выпуск 42(58)
2016

СОДЕРЖАНИЕ

**О БРЕКСИТЕ И ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕРСПЕКТИВАХ
РОССИИ**

Владимир Чернега

ВАРШАВСКИЙ САММИТ НАТО

Сергей Уткин

**РОССИЯ И ЕВРОПА
В НОВОМ ИЗМЕРЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ**

Сергей Ознобищев

**АЗИЯ И ЕВРОПА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ
КУРСЕ СИ ЦЗИНЬПИНА**

Александр Гордон

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

О БРЕКСИТЕ И ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИИ

Владимир Чернега,

Чрезвычайный и Полномочный Посланник, консультант Совета Европы, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН

Ключевые слова: Брексит, перестройка ЕС, евробюрократия, судьба Европы, евроскептики, место России в Европе.

В июле 2016 г. автору этих строк довелось участвовать в конференции Европейского парламента на тему «Брексит и судьба Европы». Конференция была организована совместно фракцией Европейской народной партии (самой многочисленной в нынешнем составе парламента) и французским отделением НПО «Международный панъевропейский союз». Эта организация, основанная австрийским аристократом Р. Куденхове-Калерги в Вене еще в 1926 г., действует в 30 европейских странах, но именно французское отделение является наиболее многочисленным и активным.

В ходе конференции четко проявились две тенденции, которые доминируют сейчас в реакции европейских элит на результаты Брексита. Первая тенденция выражалась главным образом докладчиками от ЕНП, среди которых был и один из заместителей председателя Европарламента. Вкратце ее можно изобразить как смесь растерянности и негодования в отношении британских избирателей, проголосовавших за Брексит, а также лично Д. Кэмерона, инициировавшего референдум. Ряд выступавших подвергли критике сам этот инструмент прямой демократии. Он, дескать, приемлем только в небольших странах типа Швейцарии, но в целом таит в себе «западню демагогии и популизма», т.е. опасность принятия решений, основанных не на разуме, а на эмоциях. Стоит заметить, что этот аргумент уже был в ходу в этих кругах после того, как в 2005 г. французские и голландские избиратели провалили проект «европейской конституции».

Напротив, выступления представителей Международного панъевропейского союза (МПС) впечатляли своим оптимизмом. Они подчеркивали появившиеся позитивные перспективы для продолжения европейской интеграции и для превращения ЕС в самостоятельный «центр силы». Один из докладчиков МПС напомнил, что Р. Куденхове-Калерги еще в момент образования этого движения исключал Великобританию из «Большой Европы» из-за слишком глубоких органических связей с «не-европейским англо-

саксонским миром»¹. Эти связи позже послужили обоснованием для решения президента Франции Ш. де Голля дважды, в 1961 и 1967 гг., заблокировать переговоры о вступлении Великобритании в тогдашнее ЕЭС. Особенно его тревожили «привилегированные отношения» между ней и США. В частных беседах он без обиняков называл британского соседа «троянским конем Америки».

Участники конференции от ЕНП были единодушны в том, что в процессе «развода» Великобритании и ЕС должны сделать все возможное, чтобы формально она ушла, но при этом максимально осталась, в частности, в Общем рынке с его свободным движением капиталов, рабочей силы и услуг. В качестве модели назывались отношения между ЕС и Норвегией, в которой, как известно, большинство населения дважды высказалось против присоединения к ЕС, но которая достаточно глубоко интегрирована в него и даже входит в шенгенскую зону.

В то же время европарламентарии столь же единодушно констатировали, что выход Великобритании из механизмов принятия решений в ЕС не просто меняет формат этого объединения, но и ведет к изменению геостратегической ситуации на континенте, в том числе в плане взаимоотношений с Россией. Было видно, что у тех представителей ЕНП, которые ранее фактически отстаивали линию на «вытеснение» ее из Европы, резко поубавилось пыла. Дежурные фразы о «российском экспансионизме» сочетались с признанием того, что у России «есть свое место» на континенте и ее интересы должны так или иначе уважаться.

Для докладчиков МПС это было хорошей новостью, поскольку в этой организации, по крайней мере, в ее французском отделении, многие всегда считали Россию неотъемлемой частью «Большой Европы». Их позиции существенно усилились в последнее время в связи с миграционным кризисом в ЕС, а также исламскими террористическими актами во Франции, Бельгии, Германии. Они вызвали всплеск внимания общественности в государствах-

¹ Справедливости ради следует отметить, что Р. Куденхове-Калерги выводил за рамки «Большой Европы» и Советскую Россию, но по идеологическим, т.е. проходящим причинам.

членах к вопросу о христианских корнях европейской цивилизации, а в этой связи и к России. Все чаще высказывается мнение, что без объединения усилий с ней нейтрализовать исламистскую угрозу невозможно. Возрос и интерес к тому, как в РФ решаются проблемы сосуществования христианской и исламской религий. Вполне закономерно, что эти участники рассматривали Россию как необходимую участницу «общеευропейского процесса».

Ход дебатов на конференции – лишь один из признаков того, что в ЕС после Брексита началось осмысление новой геостратегической конфигурации на континенте, в том числе роли в ней России. Конечно, дискуссии по поводу политики в отношении последней, в частности по вопросу о смягчении нынешней конфронтации в связи с украинским кризисом, происходили и раньше, особенно в государствах – членах ЕС (или под их давлением на многостороннем уровне), затронутых российскими контрсанкциями.

В нынешней ситуации к экономическим мотивам присоединяются геостратегические. Слова президента Франции Ф. Олланда на саммите НАТО 8–9 июля 2016 г. в Варшаве о том, что Россия все-таки является не противником, а партнером, «который иногда прибегает к силе», отнюдь не были неудачной импровизацией, вызвавшей гнев США и резкую критику со стороны Польши и прибалтийских государств. Разрушение европейского треугольника Париж – Лондон – Бонн фактически оставляет Францию один на один с Германией, в полтора раза превышающей ее по численности населения и все больше превосходящей ее по экономической мощи. Конечно, Франция, в отличие от Германии, является ядерной державой, она может в тех или иных вопросах рассчитывать на поддержку Италии и других государств, наконец, обе страны связаны узами в рамках ЕС и НАТО. При всем этом неравновесие слишком велико и оно вызывает опасения у значительной части французских элит. Конструктивные отношения и сотрудничество с Россией в самых различных областях в этих условиях приобретают для Франции все большую важность.

Уход Великобритании из механизмов принятия решений в ЕС ведет также к ослаблению влияния на эти решения со стороны США, поскольку Лондон действительно до сих пор являлся главным его проводником, особенно в политической сфере. В свою очередь применительно к России это ослабляет позиции в ЕС наиболее враждебно настроенных к ней стран – Польши, Швеции, Латвии, Литвы и Эстонии, которые в вопросе об антироссийских санкциях, как и в ряде других, ориентируются не столько на Брюссель, сколько на Вашингтон.

Конечно, США могут в какой-то мере компенсировать утрату этого канала влияния на ЕС в случае заключения между ними соглашения о трансатлантическом и инвестиционном партнерстве (ТТИП), переговоры о котором, судя по всему, вошли в продвинутую фазу. Однако, во-первых, Брексит спосо-

бен негативно повлиять на эти переговоры, так как, помимо времени, которое уйдет на решение технических проблем, связанных с оформлением «развода» с Великобританией, он вынуждает Еврокомиссию больше считаться с общественным мнением государств-членов, все настороженнее воспринимающую поступающую информацию о возможном содержании этого соглашения. Во-вторых, поскольку главным бенефициарием ТТИП, как считают большинство экспертов, должна быть Германия, это может усугубить отмеченное выше неравновесие между ней и Францией (не говоря уже о других государствах-членах), ускорить ее превращение в безусловного гегемона ЕС. Такая перспектива еще до Брексита тревожила часть европейских элит. Очевидно, что в нынешней ситуации их опасения только увеличиваются. Франция устами Ф. Олланда уже заявила, что не видит смысла в переговорах по проекту ТТИП в его нынешнем виде. Иными словами, перспектива завершения переговоров и в еще большей степени ратификации соглашения становится сейчас более туманной.

Таким образом, Брексит создает в ЕС ситуацию, скорее, благоприятную для России. Прежде всего, возрастает ее значение как фактора «баланса сил» на европейском континенте, несмотря на то что она находится вне рамок ЕС и НАТО. Появление у ЕС шансов на приобретение большей самостоятельности означает появление у него перспективы проводить политику, более ориентированную на собственно европейские интересы, а они в значительной мере связаны с Россией, особенно в области безопасности. Да и в экономике тоже. Как показала история с санкциями и контрсанкциями, российский рынок оказался более важным для ряда стран ЕС, в частности Франции, Италии, Испании, Греции, чем представляли в самой России.

В конфигурации Европа – США – Россия у нашей страны появляются определенные возможности «отыграть назад» хотя бы часть геополитических потерь, связанных с поражением на Украине. США в результате украинского кризиса сумели вбить клин между Европой и Россией, а также между Украиной и Россией, что было их стратегической целью с момента распада СССР. Движение ЕС к большей самостоятельности, его возможное сближение с Россией, перспектива более продвинутых, чем сейчас, договоренностей между ними по Украине, напротив, являются для Вашингтона «стратегическим кошмаром».

Разумеется, на данном этапе речь идет лишь о потенциальных возможностях. В какой степени они реализуются, зависит прежде всего от того, какие уроки европейские элиты извлекут из Брексита, а также из итогов референдума в Голландии в апреле 2016 г. по соглашению об ассоциации с Украиной. Они, как и в 2005 г., напомнили, что в ЕС, кроме его органов и структур и так называемой «евробюрократии», кроме государств-членов и, соответственно, национальных элит, есть еще и народы,

которые в условиях демократии являются источником власти. Отрыв от них «евробюрократии» и космополитизированного большинства указанных элит явился одной из главных причин недовольства избирателей в обоих случаях.

Автору довелось увидеть на одном из французских телеканалов интервью с молодой английской избирательницей, проголосовавшей за Брексит. Ранее эта англичанка работала в структурах Европарламента и Еврокомиссии. Она охарактеризовала 40 тыс. человек, занятых в них, как закрытую касту (с огромными заработными платами и дипломатическими привилегиями), которая полностью оторвалась от собственных народов и, по сути, никем не контролируется. При этом, сказала она, «эти люди не просто решают, как жить нашим народам, они чем дальше, тем все мелочнее регламентируют эту жизнь».

Это интервью объясняет, почему, например, многие английские фермеры, получавшие субсидии от ЕС, также проголосовали за выход Великобритании из него. Ведь взамен им диктовали, что и как выращивать, а зачастую требовали уничтожать урожай и забивать скот (из-за перепроизводства). Им предписывали, какие и в каком количестве использовать удобрения, гербициды и пестициды, как устраивать поилки или пункты дезинфекции для скота и т.п. Очень подробно регламентировалось также рыболовство и ряд других отраслей. Все это, как считали заинтересованные социально-профессиональные категории, делалось без учета местной специфики и традиций.

Брексит обнажил также проблему весьма неравного распределения плодов «евроинтеграции» в социально-экономической сфере. Больше всего от нее выигрывают космополитизированные прослойки населения, особенно работники финансово-банковской сферы, транснациональных компаний, передовых инновационных производств, обычно проживающие в столицах и других крупных городах. В большинстве своем это достаточно молодые люди, учившиеся в зарубежных вузах и владеющие иностранными языками. В то же время в «глубинке» многие европейцы эти плоды ощущают слабо.

Еще до Брексита стало ясно, что европейские элиты перестарались также с навязыванием народам ЕС «европейской общности», подразумевающей стирание национально-этнических и религиозных различий. Миграционный кризис лишней раз показал, что большинство европейцев по-прежнему привержены своей национально-культурной идентичности. Конечно, они ощущают и ценят определенное единство европейской цивилизации, но при этом остаются англичанами, немцами, французами или итальянцами. Тем более они не готовы поступаться своей идентичностью в пользу мигрантов с совершенно чуждой культурой. Очевидная же беспомощность ЕС перед миграционной волной усилила разочарование в его деятельности.

Перед лицом этих и других проблем, которые Брексит ярко высветил, европейские элиты оказались на распутье. Выступления европарламентариев от ЕНП на упомянутой выше конференции показали, что, по меньшей мере, часть этой прослойки испытывает искушение исключить прямое народное волеизъявление из процесса принятия важнейших решений в ЕС, полностью переложив его на правительства, национальные парламентские учреждения, Европейскую комиссию и Европейский парламент. Иными словами, все подобные решения должны приниматься только внутри самих элит. Стоит заметить, что эта тенденция проявилась в ЕС еще после провальных итогов референдумов по «европейской конституции» во Франции и Голландии. Тогда в большинстве государств-членов были одобрены процедурные уловки, исключающие вынесение подобных проектов на референдумы. Если эта тенденция победит, Евросоюз вряд ли подвергнется достаточно серьезному реформированию, а значит, указанные выше проблемы, скорее всего, в нем сохранятся.

Однако другая часть европейских элит считает, что игнорирование воли народов неизбежно усугубит ситуацию, поскольку еще больше увеличит разрыв между теми и другими. В результате во многих странах ЕС к власти могут прийти «евроскептики». Представители этой группы призывают к существенной перестройке «европейского проекта», которая позволила бы создать эффективные механизмы обратной связи между органами и структурами ЕС, с одной стороны, и населением, социально-профессиональными категориями – с другой. Европейский парламент в его нынешнем виде, который в принципе должен был бы выполнять функцию обратной связи, явно с ней не справляется. В результате перестройки система должна стать более гибкой и открытой, в рамках ее народы должны получить определенную возможность контролировать «евробюрократию», в частности, блокировать тенденцию к мелочной регламентации всего и вся. Большее внимание должно уделяться развитию социальной сферы, которая пока в основном остается в компетенции государств-членов.

Переломным моментом в этой связи, как отмечают многие политики и эксперты, могут стать президентские выборы во Франции в апреле-мае 2017 г. Победа на них Марин Ле Пен, скорее всего, поставит под вопрос функционирование ЕС в его нынешнем виде, особенно в том, что касается власти «евробюрократии». Но даже если она не победит, но наберет достаточно большое число голосов, это будет сигнал европейским элитам, который после Брексита им будет невозможно проигнорировать.

Для России выгодна любая перестройка ЕС, которая ограничит возможности «евробюрократии». Именно эта закрытая прослойка воплощает собой логику «новой европейской империи», которая самым негативным образом проявилась, например, в ходе украинского кризиса.

Парадокс ситуации в самой России заключается в том, что в то время как в ЕС чаша весов медленно, но верно склоняется к возобновлению сотрудничества с ней, к признанию ее геостратегической роли и интересов на континенте, российские элиты все увлеченнее пропагандируют необходимость «поворота на Восток», т.е. в сторону Азии. Этому «повороту» придается чуть ли не экзистенциальное значение, он, по сути, представляется как альтернатива отношениям с ЕС и с Западом в целом (хотя теоретически российская политика остается «многовекторной»).

Автор уже имел возможность достаточно подробно обосновать свою убежденность в том, что при всей полезности и даже необходимости продвигать интеграцию в ЕАЭС и развивать экономическое, торговое и политическое сотрудничество со странами АТР, они не могут стать такой альтернативой¹. В рамках данной статьи приходится ограничиться напоминанием о том, что население и экономика России в основном сосредоточены в европейской части страны и исторически ориентированы на географически близкую Европу, а не на далекую АТР. Эта данность объясняет, например,

почему в 2015 г., несмотря на войну санкций и контрсанкций, торговый оборот РФ с ЕС составил около 250 млрд долларов США по сравнению с 60 млрд торгового оборота с КНР. Нельзя также не видеть того, что огромный и все увеличивающийся не в пользу России разрыв в экономической мощи с Китаем несет риск ее превращения в энергетический, сырьевой и транзитный придаток этой нарождающейся сверхдержавы. Являясь «евразийской» по территории, Россия обречена по другим параметрам быть все-таки в основном европейской страной, хотя и со стратегическими интересами в Азии. ЕС будет и впредь для России главным торгово-экономическим партнером и источником новых технологий, крайне необходимых для модернизации российской экономики, а большинство россиян по базисным элементам своей культуры не перестанут принадлежать к европейской культуре. Перспектива изменений в ЕС, о которой говорилось выше, может открыть новые шансы на создание как минимум «европейского экономического пространства от Лисабона до Владивостока» и Россия должна быть готова воспользоваться ими.

¹ См., например: Россия и современный мир, 2016(90). С. 103–104; Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. Выпуск 2016. 41(57). С. 7–8.

ВАРШАВСКИЙ САММИТ НАТО

Сергей Уткин,

*заведующий сектором политических проблем европейской интеграции
отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН*

Ключевые слова: НАТО, Основополагающий акт, военные расходы, новые угрозы, кибербезопасность.

Саммиты Североатлантического альянса уже на протяжении многих лет служат своего рода верстовыми камнями, фиксирующими путь, пройденный этим военно-политическим блоком, и новые ориентиры. При этом по мере развития международных коммуникаций, в особенности между государствами, находящимися в союзнических отношениях,

встречи на высшем уровне подвергаются некоторой инфляции. Главы государств и правительств обладают достаточными возможностями для поддержания постоянных контактов и обсуждения широкого круга тем. Физическое пребывание политических лидеров на совместном заседании зачастую становится скорее символическим актом, чем моментом принятия согласуемых заранее решений. Тем не менее некоторые принципиальные вопросы остаются в исключительной компетенции лидеров,

приходящих к компромиссным формулировкам лишь непосредственно на саммите¹.

Саммит НАТО, состоявшийся в Варшаве 8–9 июля 2016 г., был отмечен достойными внимания, но ожидаемыми решениями. В год проведения саммита наиболее острая фаза украинского кризиса осталась в прошлом, страны – участницы НАТО успели сориентироваться в новой обстановке и определить меру необходимой, с их точки зрения, реакции на вызовы, важнейшим из которых им представляется российский фактор.

Российский вопрос

В коммюнике саммита, традиционном итоговом документе, Россия упоминается 59 раз (см. табл.), в подавляющем большинстве случаев в негативном контексте, как представляющая проблему для НАТО агрессивная держава, своими действиями разрушающая некогда сложившийся миропорядок. Такая оценка аргументируется опытом, накопленным в период украинского кризиса. Обозначенные Альянсом возможности для возвращения к сотрудничеству предполагают, что ключом к их использованию является изменение поведения России. В целом ряде пунктов коммюнике Россия не упоминается напрямую, но очевидно подразумевается, опять же, как вызов, которому страны НАТО должны противостоять.

Несмотря на высокий уровень напряженности в отношениях с Россией, страны – участницы Альянса не намерены отказываться от принятого в мае 1997 г. Основополагающего акта Россия – НАТО и подчеркивают, что принимаемые ими решения не противоречат этому документу². Такой подход, в первую очередь, проистекает из позиции крупнейших западноевропейских членов НАТО во главе с Германией, обеспокоенных перспективой полного разрыва контактов с Россией. Наиболее критически настроенные к России государства – члены НАТО, в частности Польша и Литва, напротив, склонны пожертвовать Основополагающим актом или, по крайней мере, тем его положением, которое предполагает отказ НАТО от постоянного размещения существенных боевых сил в новых районах базирования³. В Основополагающем акте этот отказ оговаривается сохранением «нынешних и обозримых» условий безопасности, которые, по мнению стран-критиков, были уничтожены в ходе украинского кризиса.

¹ Одним из наиболее известных примеров этого в последнее время стало обсуждение вопроса о предоставлении Грузии и Украине Плана действий по членству в НАТО на саммите в Бухаресте в апреле 2008 г. См., например: Колесников А. Владимир Путин сказал как отрезал // Коммерсантъ. 5.04.2008.

² Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве. 8–9 июля 2016. NATO Press Release (2016)100, п. 9.

³ Основополагающий акт Россия – НАТО. 27 мая 1997 г. Раздел IV.

Таблица
Упоминание стран-нечленов в коммюнике
Варшавского саммита НАТО

Страна	Количество упоминаний
Россия	59
Украина	35
Грузия	28
Ирак	20
Ливия	15
Афганистан	13
Сирия	10
Косово ¹	по 9
Молдавия, Босния и Герцеговина, Черногория	по 7
Македония	4
Финляндия, Швеция, Иран, Сербия	по 3
КНДР, Абхазия, Южная Осетия	по 2
Азербайджан, Армения, Австралия, Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Мавритания, Марокко, Тунис, Бахрейн, Кувейт, Катар	по 1

Альянс призывает Россию отменить принятые в 2014 г. решения по Крыму, а также признание независимости Абхазии и Южной Осетии, указывает на риски, связанные с военной операцией России в Сирии, предлагает участвовать в модернизации Венского документа о мерах укрепления доверия и безопасности, провозглашает готовность вернуться к диалогу о противоракетной обороне. К России также обращен призыв сохранить жизнеспособность Договора о ракетах средней и меньшей дальности 1987 г., соблюдать обязательства по Договору об обычных вооруженных силах в Европе, упомянутому выше Венскому документу и Договору об открытом небе. Приветствуются усилия государств – членов НАТО по «решению вопроса» о зависимости от «морально устаревшей российской военной техники»⁴. У руководства большинства стран НАТО есть понимание, что часть адресованных России призывов политически нереалистична, но артикуляция этих положений считается необходимой для подтверждения и укрепления единства подходов союзников к правилам международного общения.

Взятый в отношении России резкий тон в значительной степени является символом реально не наблюдаемого единства. Целый ряд стран – участниц Альянса в двусторонних отношениях с Россией допускает для себя встречи на высоком и высшем уровнях, где обсуждаются отнюдь не только вопросы урегулирования украинского кризиса. Несмотря на санкции и российские «ответные меры», сохра-

⁴ Заявление по итогам... п. 78.

няются интенсивные торгово-экономические связи между Россией и странами – участницами НАТО. Официальная позиция Альянса предполагает, что до решения принципиальных вопросов возвращение к обычному ведению дел с Россией невозможно. Однако на практике нормализация происходит везде, кроме областей, где реакция сторон на украинский кризис создала прямые препятствия.

Практическая невозможность полной нормализации, в частности, относится к военному сотрудничеству. В обозримом будущем страны – участницы НАТО и Россия не вернутся к регулярному общению военных, выходящему за рамки необходимого для предотвращения инцидентов и координации не терпящих отлагательств действий в кризисных регионах. Такое положение дел создает определенные риски. В то же время относительно высокий постоянный уровень напряженности, вероятно, позволит военной промышленности и оборонным структурам каждой из сторон обеспечить себе внушительный уровень государственных инвестиций.

Задолго до саммита стало понятно, что консенсусной реакцией Альянса на события острой фазы украинского кризиса будет символическое укрепление оборонных структур на восточноевропейском направлении. Коммюнике саммита определяет форму этого укрепления как четыре батальонные группы в странах Балтии и Польше, дивизионный штаб в Польше и многонациональную рамочную бригаду в Румынии. Реализация заявленных намерений ожидается к маю 2017 г.¹ Эти решения означают некоторое развитие инфраструктуры НАТО в новых районах, даже при условии, что формально речь будет идти о размещении сил не на постоянной, а на ротационной основе. При очевидно скромной численности контингента у размещения, помимо символической, есть и военная логика. В случае гипотетической атаки на страны, где производится размещение, противник должен сразу столкнуться с многонациональными силами, что, по крайней мере в теории, исключает возможность для союзников увильнуть от исполнения своих обязательств.

Внутренние трудности

Для НАТО, как военного блока, вопрос об уровне военных расходов остается актуальным и болезненным. Установленную в качестве ориентира планку в 2% ВВП превышают только США, Греция, Великобритания и Эстония. В 2015 г. к ним добавилась Польша, в 2016 г. ориентирующаяся на соблюдение нормы 2%. Только десять из 28 государств – членов Альянса выдерживают норматив

¹ Ходаренок М., Солопов М. Батальонами НАТО не защитить // Газета.ru. 19.09.2016. (<http://www.gazeta.ru/army/2016/09/19/10204529.shtml>)

20% оборонных расходов на техническое оснащение. Однако после длительного ежегодного падения с 2014 г. в среднем по странам НАТО, без учета США, оборонные расходы начали расти².

Соединенные Штаты по своему оборонному бюджету традиционно превосходят более чем в 2,5 раза все остальные страны – участницы НАТО вместе взятые. Для части американской политической элиты такое положение дел выглядит как обеспечение безопасности иждивенцев, которые могли бы увеличить расходы на оборону, но предпочитают пользоваться американскими гарантиями. Эта тема стала одной из наиболее заметных в ходе предвыборной кампании Д. Трампа в 2016 г.³

Значительная часть стран – участниц НАТО, по-видимому, не считают дисбалансы, существовавшие в НАТО на протяжении десятилетий, требующей решения проблемой, хотя декларативно поддерживают идею постепенного движения к более равномерному распределению бремени между союзниками.

Некоторые надежды на лучший баланс между европейским и американским оборонным строительством периодически возлагаются на усилия Евросоюза в этой области. Сложности, испытываемые ЕС в последние годы – вялая экономическая динамика, противоречия внутри еврозоны, кризис беженцев, переговоры с Великобританией о планируемом выходе из Союза – приводят наблюдателей к прямо противоположным предположениям. Накопившиеся проблемы могут свидетельствовать о том, что интеграционный процесс зашел в тупик, и вектором дальнейшего движения станет меньшая степень сплоченности ЕС, а то и дезинтеграция. Однако многие ведущие политики ЕС вполне отдают себе отчет в тяжести негативных последствий такого развития событий и выступают с новыми интеграционными инициативами, в том числе в оборонной сфере. Когда речь заходит об односторонних инициативах ЕС в этой области, наиболее «атлантически» настроенные члены Союза выражают беспокойство⁴. Попытки преодолеть подспудное соперничество институциональных форматов предпринимались неоднократно. Документальная основа отношений ЕС и НАТО была сформирована в 2002–2003 гг., когда был создан так называемый формат «Берлин плюс»⁵. Наиболее заметные операции под флагом ЕС с использованием вооруженных сил, в первую очередь в Боснии и Герцеговине⁶, стали

² Defence Expenditures of NATO Countries (2009–2016). NATO Communique PR/CP (2016)116. 4 July 2016.

³ См., например: Kojala L. Why Donald Trump is scaring Lithuania. CNN, September 8, 2016 (<http://edition.cnn.com/2016/09/08/opinions/linas-kojala-trump-lithuania-nato/>).

⁴ Прибалтика боится, что евроармия помешает НАТО защищать ее от России // НГ-Online. 16.09.2016. (http://www.ng.ru/armies/2016-09-16/100_obzor160916.html)

⁵ Relations with the European Union / NATO (http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49217.htm)

⁶ EUFOR: <http://www.euforbih.org/eufor/index.php>

возможны именно благодаря плотному взаимодействию с НАТО. В Варшаве был сделан новый шаг в этом направлении – принята совместная декларация, подписанная председателями Европейского совета и Европейской комиссии с одной стороны, и Генеральным секретарем НАТО – с другой¹. Как и в коммюнике саммита, в декларации речь идет о противодействии «гибридным угрозам», источником которых видится, в первую очередь, Россия. Также заявлено взаимодействие в сфере кибербезопасности, военной промышленности, исследований и разработок. Конкретные предложения по механизмам сотрудничества должны обсуждаться в декабре 2016 г.

В существующих в настоящее время условиях, вероятнее всего, ни декларация ЕС – НАТО, ни идеи «европейской армии» не приведут к прорывным результатам. Некоторый уровень оперативного взаимодействия ЕС и НАТО уже был обеспечен ранее и сохранится впредь. И в НАТО, и в ЕС готовность некоторых союзников больше инвестировать в коллективную оборону постоянно нейтрализуется неготовностью других, пока не наблюдающих для себя прямой военной угрозы извне. Вполне возможно, что страны Балтии, Польша и Румыния в своей оборонной политике будут все больше полагаться на двустороннее взаимодействие с Соединенными Штатами, а не на многостороннее взаимодействие в рамках НАТО и ЕС. Многое здесь будет зависеть от подходов новой американской администрации, которая должна быть сформирована в начале 2017 г.

Расширение Альянса

Хотя часть внутренних слабостей НАТО в некоторой степени связана как раз с чрезмерно быстрым расширением и включением в свой состав стран с несоответствующими региональными озабоченностями и незначительным военным потенциалом, Альянс твердо настроен продолжать политику расширения. Варшавский саммит подтвердил сохранение принципа «открытых дверей», согласно которому европейские демократические страны, разделяющие ценности Альянса и соблюдающие все критерии, могут претендовать на членство. Резкое неприятие этой политики Россией не только не находит понимания, но очевидно, становится дополнительным стимулом процесса. Присоединение к НАТО Черногории проходит процедуру ратификации. За Черногорией при определенных условиях могут последовать Босния и Герцеговина и Македония.

Наиболее конфликтогенным остается вопрос о гипотетическом присоединении к Альянсу Украи-

ны и Грузии, что Россия склонна рассматривать как нанесение ущерба ее положению в регионе. Если в отношении Украины в коммюнике варшавского саммита речь идет только о партнерстве, хотя и продвинутом, то сигнал Грузии недвусмысленно указывает, что она может рассчитывать на членство, несмотря на сохраняющиеся конфликты с Абхазией и Южной Осетией. Страны НАТО и Россия продолжают обвинять друг друга в том, что именно действия противоположной стороны являются источником дестабилизации на Южном Кавказе. Членство Грузии в НАТО в обозримом будущем скорее всего не получит консенсусной поддержки стран – членов блока, но процесс сближения Грузии с Альянсом сам по себе будет иметь значение с точки зрения фактического присутствия инфраструктуры и практик НАТО на Южном Кавказе.

Во многих отношениях более реалистичным, чем вступление Грузии и Украины, являлось бы присоединение к Альянсу Швеции и / или Финляндии. Успешное взаимодействие с ними отмечено в коммюнике саммита, однако для дальнейшего движения необходимо решение самих этих стран, где пока доминируют сторонники сохранения политики нейтралитета.

Горячие точки

При очевидном доминировании российской темы в итоговых документах саммита, страны – участницы НАТО не забывают и о нестабильных регионах, которые вызывают озабоченность и у России.

Значительное внимание сосредоточено на Афганистане. Несмотря на колоссальные усилия международной коалиции, в стране продолжают регулярно террористические акции, а способность существующего политического режима выжить без поддержки стран Запада многими ставится под сомнение. В декларации по Афганистану, принятой на Варшавском саммите, признается, что задачи, стоявшие в этой стране перед НАТО, еще не решены и потребуют дальнейшего участия Альянса². Афганские силы безопасности пока не демонстрируют способности в достаточной мере контролировать ситуацию в стране. Подготовка этих сил и проведение с ними совместных операций остается для НАТО ключевой установкой на ближайшие годы.

Поддержка в оборонной сфере оказывается Альянсом и Ливии. Российская сторона, имея в виду события в Ливии в 2011 г., неоднократно указывала на ответственность НАТО за развернувшуюся в этой стране гражданскую войну, однако сами страны – участницы НАТО видят себя силой, стремящейся содействовать стабилизации, хотя и безуспешно. Похожая по логике развития, но более

¹ Joint declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. NATO Press Release (2016)119. 8 July 2016.

² Warsaw Summit Declaration on Afghanistan. NATO Press Release (2016)121. 9 July 2016.

стабильная ситуация сохраняется и в отношениях НАТО с Ираком. Обвинения в адрес США и их союзников в связи с войной в Ираке 2003 г. не мешают Альянсу оказывать поддержку иракским государственным ведомствам и силам безопасности.

В Сирии НАТО возлагает ответственность за гражданский конфликт на режим Башара Асада и призывает его к прекращению конфликта на основе решений, согласованных в Женеве в 2012 г. Существенную роль в развитии событий в регионе играет один из членов Альянса – Турция. В период драматических событий в Сирии страны НАТО поддержали Турцию, развернув на ее территории зенитно-ракетные комплексы «Пэтриот». После провалившейся попытки государственного переворота в Турции в июле 2016 г., всего через несколько дней после саммита НАТО, и связанной с переворотом волны репрессий, отношения турецкого руководства со значительной частью политических элит стран Запада осложнились. В Ближневосточном регионе НАТО также полагается на хорошо развитое сотрудничество с Иорданией, но последняя, конечно, не обладает потенциалом регионального влияния, сопоставимым с турецким. Как и в ряде других случаев, закрепленный в декларациях единый подход Альянса к кризисной ситуации может пасть жертвой политических противоречий. Даже наблюдая очевидную взаимосвязь между развитием болезненного для них кризиса беженцев и сирийской гражданской войной, европейские страны НАТО оказались неспособны внести заметный вклад в стабилизацию, будь то в контексте политики Альянса или самостоятельно. Динамика сирийского противостояния оценивается большинством наблюдателей с учетом позиций США и России, но не НАТО.

Страховой Альянс

Следующий саммит НАТО должен состояться в новой штаб-квартире, построенной в Брюсселе через дорогу от морально устаревших зданий, использовавшихся до настоящего времени. Решение о строительстве новой штаб-квартиры было принято

в 2010 г. и обусловлено как практическими соображениями, так и желанием продемонстрировать востребованность Альянса на десятилетия вперед, несмотря на изменившуюся внешнюю среду и характер угроз. С 2014 г. многие аналитики отмечали возрождение атмосферы холодной войны, возвращающей НАТО роль, подобную той, которую блок играл в первые десятилетия своего существования. Однако два года спустя значительная часть политических элит сторон, вовлеченных в развернувшееся противостояние, по-видимому, приходит к выводу, что дальнейшее движение в этом направлении не просто опасно, но и противоречит их коренным интересам. И НАТО, и Россия предполагают сохранять контроль над напряженностью в сфере европейской безопасности. В ряде наиболее опасных случаев эта потребность медленно подталкивает стороны к деэскалации, но там, где открытых конфликтов скорее не ожидается (страны Балтии, Польша), Альянс позволяет себе символические шаги, призванные подчеркнуть его принципиальную позицию. В то же время, значительная часть ежедневной практической работы НАТО связана с развитием ситуации в отдаленных кризисных регионах и, в еще большей степени, с обеспечением далеко не гарантированных оперативной совместимости и политической сплоченности союзников.

Для государств-членов военно-политический блок сохраняет значение. Он стал неотъемлемой частью оборонных стратегий в конечном счете позволяя существенному числу европейских государств экономить на обороне по тому же принципу, по которому можно сэкономить на лечении, регулярно выплачивая страховые взносы. Но страховая компания может лопнуть именно в тот момент, когда ее помощь необходима. Действия НАТО последних двух лет были призваны показать, что на Альянс можно положиться, в том числе, в случае если отдельным его членам придется столкнуться с открытым военным конфликтом. Этот сигнал стал основным и на Варшавском саммите. Не все страны считают сделанные заверения достаточными, но в отсутствие действующего альтернативного механизма обеспечения коллективной безопасности в Европе, продолжают полагаться на этот.

РОССИЯ И ЕВРОПА В НОВОМ ИЗМЕРЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ

Сергей Ознобищев,

*заведующий сектором Центра мировой безопасности ИМЭМО РАН,
старший научный сотрудник*

Ключевые слова: Россия, Европа, безопасность, транспарентность, ограничение вооружений, доверие.

Современный кризис в отношениях между Россией и Западом в той форме, в которой он произошел, не был предсказуем. Но, зреющие и углубляющиеся противоречия в этих отношениях были очевидны достаточно давно. Грянувший украинский кризис буквально обрушил все сферы взаимодействия, включая сотрудничество в области контроля над вооружениями и обеспечения безопасности.

Резкое обострение отношений с Западом и развернувшаяся в РФ антизападная пропаганда привели к тому, что Россия, безусловно являющаяся частью Европы (исторически, культурно и, в значительной мере – географически), в общественном сознании перестала ею быть. Антизападничество и антиамериканизм были реанимированы в России на гребне протестной общественной активности конца 2011–2012 гг. и подхвачены затем в ходе президентской кампании. Вскоре после того пиар-кампания трансформировалась в устойчивый антизападный тренд, постоянно и обильно снабжаемый весьма сомнительными «доказательствами» вроде наличия на Западе многовекового «антироссийского заговора».

После присоединения Крыма и активного содействия процессу становления самопровозглашенных Луганской и Донецкой народных республик, Россию перестали воспринимать в Европе и в мире как, безусловно, дружественную державу, настоящая и будущая политика которой предопределена и предсказуема. Очевидно, что создавшаяся ситуация растущего недоверия и военно-политической напряженности особенно выгодна представителям военно-промышленного комплекса и в Европе / США, и в России.

Резкое снижение уровня сотрудничества происходило на фоне заметного падения привлекательности Европы как «наращивающего обороты» политически и экономически мощного объединения. Экономические кризисы и политическая турбулентность в некоторых странах ЕС, «цунами» беженцев, накрывшее Европу, «Брексит» – выход Великобритании («первая ласточка» – как полагают некоторые в России) из Евросоюза, а, главное – «отгораживание» от России посредством политики экономических санкций и снижения интенсивности, уровня и объема политического диалога – все

это привело к нигилизму российской элиты в отношении необходимости и ценности поддержания тесного взаимодействия с ЕС. Это сопровождалось такой же девальвацией ценности диалога в сфере безопасности.

В нынешнем кризисном состоянии отношений есть весомая доля ответственности Запада. Нельзя не напомнить, что начало «разлома безопасности» между Россией и Западом было положено именно самой НАТО и, в первую очередь, политикой расширения Альянса, начатой в 90-е годы. В России так и не поверили тезису, повторяемому официальными представителями Альянса на протяжении более двух десятков лет, что «расширение НАТО не угрожает России»¹.

Активизация военной активности НАТО и ВС России в последнее время (как следствие украинского кризиса), проведение многочисленных маневров еще более обострили ситуацию. Помимо нагнетания напряженности, впервые со времен холодной войны происходит сближение военных структур сторон. Не случайно, именно в последние месяцы наблюдается небывалый рост числа опасных инцидентов с участием военных самолетов и судов России и стран – участниц НАТО.

Росту недоверия и военно-политической напряженности способствовал и глубокий кризис процесса сокращения обычных вооруженных сил в Европе. Поделенная на «клеточки» жестких территориальных и национальных предельных уровней вооружений Европа, в соответствии с Соглашением (1999) об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе удовлетворяла бы самым высоким требованиям безопасности. Однако после многолетнего затягивания его ратификации со стороны западных стран под предлогом невыполнения Россией положений двусторонних российско-грузинских и российско-молдавских договоренностей, в связи с ростом числа стран НАТО, что, по мнению России, все более нарушало военный баланс в Европе, Москва в 2007 г. «приостановила» действие Договора. В марте 2015 г., уже в разгар украинского кризиса, российские представители пошли

¹ James Appathurai says Georgia's joining NATO not to be discussed in NATO Summit. May 25, 2016. [09.09.2016]. <<http://www.armenpress.am/eng/news/848419/#.V9Rldyy7U-0.email>> .

дальше, заявив, что «объявленное Россией в 2007 г. приостановление действия ДОВСЕ становится полным»¹. Точный юридический смысл этой формулы очевиден далеко не всем экспертам, но ясно, что Россия, тем самым, объявила о прекращении соблюдения ею ограничений по Договору.

Учитывая исключительную важность Соглашения об адаптации для безопасности и стабильности в Европе стороны, за многие годы переговоров, несмотря на периодические осложнения политической ситуации, могли бы найти компромиссное решение. После начала украинского кризиса говорить об этом было уже бессмысленно.

Несмотря на глубокий военно-политический кризис и развал процесса ДОВСЕ, представляется все же, что положенная в основу последних договоренностей «идеология» – когда каждое государство само определяет необходимый для нужд собственной безопасности уровень ограничиваемых договором вооружений и техники – абсолютно жизнеспособна. Этот принцип вполне может быть учтен при формировании нового диалога на этом направлении, к чему недавно призвал министр иностранных дел Германии Штайнмайер. Ясно, что разрешения проблемы безопасности Европы без устраивающего все стороны компромисса по обычным вооруженным силам быть не может.

Запад сегодня настойчиво предлагает России продвинуться вперед в направлении совместного совершенствования транспарентности и мер доверия по линии Венского документа 2011 г. о мерах укрепления доверия и безопасности. Несомненно, здесь возможны коррективы, например по линии снижения уровня военной деятельности, подлежащей уведомлению. Однако очевидно, что никакого прогресса не может быть достигнуто на отдельном, в общем второстепенном, направлении обеспечения безопасности в ситуации глубочайшего военно-политического кризиса отношений сторон и тупика на переговорах по ДОВСЕ.

Еще одним фактором, серьезно осложнявшим военно-политические отношения сторон в последние годы, стала перспектива развертывания противоракетной системы в Европе – ЕвроПРО. Официальная позиция США и НАТО состоит в том, что немногочисленные комплексы ПРО на европейском континенте предназначены для борьбы с одиозными пусками ракет «третьих стран».

В России эта версия на веру принята не была. Зато была развернута масштабная кампания по доказательству той опасности, которую подобная система будет представлять для потенциала ответ-

ного удара России, а значит, и для стратегической стабильности. Большое число отечественных экспертов, многие из которых данными вопросами никогда не занимались, с готовностью подключились к кампании, творчески изготовляя «страшилки», которые по замыслу должны были бы изобличать «агрессивную сущность» Вашингтона, взявшего-де «установку на первый ядерный удар»².

Профессионалы, однако, придерживаются иного мнения. Генеральный конструктор ОАО «Корпорация «МИТ», академик РАН, главный конструктор стратегических комплексов «Тополь-М» и «Булава» Ю. Соломонов абсолютно однозначно констатировал, что создаваемая США система ПРО в Европе не опасна для российского стратегического потенциала. «Все эти «Иджесы» и иже с ними для Стратегических ядерных сил РФ не представляют абсолютно никакой угрозы», – уверен он³.

Однако попытки Москвы получить от Запада какие-либо гарантии того, что эта система не направлена против потенциала СЯС, не увенчались успехом. Таким образом, оказывается, что суть наших разногласий упирается во взаимное недоверие, которое выросло между сторонами, мешая им находить общий язык и добиваться компромисса.

То же можно сказать и о взаимных обвинениях в нарушении Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД), имеющего непосредственное отношение к Европе, заключение которого традиционно ставилось в заслугу отечественной дипломатии. Москва обвиняет США и НАТО в том, что в пусковых установках системы ЕвроПРО могут быть размещены крылатые ракеты «Томагавк», что явится нарушением Договора. Представители США, со своей стороны, обвиняют Москву в нарушениях Договора при проведении испытаний новых ракет. И здесь тоже, в иной ситуации (еще недавнего прошлого, например), при наличии элементарного доверия можно было оперативно разрешить эту простую даже для времен холодной войны проблему. Договориться, например, о взаимных инспекциях, присутствии на испытаниях, о дополнительных ограничениях технического характера и т.п. – тех достаточно простых и традиционных процедурах, о которых не раз договаривались в прошлые времена. Этот простой пример наглядно свидетельствует о том, что ситуация с доверием вообще и в сфере безопасности в частности сегодня даже хуже, чем в период холодной войны.

На протяжении нескольких лет западные представители (в первую очередь – НАТО) настаивают на приоритетном сокращении тактического ядерно-

¹ Заявление руководителя Делегации Российской Федерации на переговорах в Вене по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями А.Ю. Мазура на пленарном заседании Совместной консультативной группы по Договору об обычных вооруженных силах в Европе, Вена, 10 марта 2015 г. [06.06.2016]. <http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/newline/DF4749F53CF96B4043257E040058061A>

² Козин В.П. ЕвроПРО – это установка на первый ядерный удар. Прагматичный подход к западным «страшилкам» // Независимая газета. 2012. – 27 января [15.05.15] <http://nvo.ng.ru/concepts/2012-01-27/1_europro.html?mprii>.

³ Литовкин Д. Конструктор «Булавы» выступил против Минобороны // Известия. 2011. – 18 марта. <<http://www.izvestia.ru/armia2/article3152939/>>.

го оружия. Однако и на этом направлении представляется абсолютно невозможным продвигаться вперед в отсутствие прогресса на центральных направлениях контроля над вооружениями и уж тем более при катастрофическом дефиците политического диалога и позитивного восприятия действий друг друга.

Во времена холодной войны переговоры о дальнейшем ограничении, сокращении и даже ликвидации отдельных систем вооружений шли постоянно. Сейчас их нет. А любые призывы к их возобновлению натываются на недоверие и подозрения в стремлении Запада ослабить Россию, добиться военного превосходства, а далее... в зависимости от разгала фантазии отечественных футурологов.

В условиях резкого роста напряженности в военно-политических отношениях России и Запада представляется исключительно важным решить ряд приоритетных задач.

Должны быть приняты меры, направленные на срочную стабилизацию обстановки на западной границе России. Для этой цели необходимо в приоритетном порядке снизить уровень военного присутствия в приграничных районах и интенсивность маневров вблизи границы. Можно было бы рассмотреть возможность создания специальной «разреженной» зоны с обеих сторон границы (по примеру приграничных районов с Китаем).

Необходимо принять неотложные шаги по предотвращению инцидентов и опасной военной деятельности. Подтвердив приверженность имеющимся советско-американским соглашениям в этой области, России и НАТО следовало бы в срочном порядке разработать новое соглашение в этой сфере.

Работа Совета Россия – НАТО должна быть возобновлена на постоянной основе и направлена на скорейшее разрешение кризиса в отношениях Рос-

сии с Западом. Стабилизации обстановки послужила бы детализация и выражение в конкретных параметрах взятых, в соответствии с положениями основополагающего Акта Россия – НАТО (1997), со стороны Альянса обязательств – т.е., что его безопасность не будет обеспечиваться «путем дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил».

Снижение уровня «обвинительной» риторики в адрес друг друга могло бы оказать крайне благоприятное воздействие на процесс выработки политических решений.

Что касается мер долгосрочного порядка по укреплению европейской безопасности, то их обсуждение, разработка и продвижение на официальном уровне пока не просматривается как практически реализуемая в ближайшем будущем задача. К их проработке можно будет приступить только после выполнения срочных мер по стабилизации ситуации в Европе.

Однако Россия могла бы предложить набор мер по модернизации и укреплению системы европейской безопасности, которые стали бы основой для дальнейшего обсуждения. Такое предложение послужило бы снятию определенной доли обеспокоенности западных стран в отношении дальнейших намерений России.

В условиях отсутствия «субстантивного» диалога на официальном уровне, экспертное обсуждение параметров отношений России и НАТО, а в более широком контексте – и проблем модернизации европейской безопасности, представляется особенно необходимым. Такая дискуссия помогла бы открыто, без стесненности рамками официальных позиций, обсудить озабоченности сторон, рассмотреть возможности их преодоления, выработать практически значимые рекомендации для политиков.

АЗИЯ И ЕВРОПА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ СИ ЦЗИНЬПИНА

Александр Гордон,

заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН

Ключевые слова: КНР, внешняя политика; Си Цзиньпин; Евразия; Шёлковый путь.

Приход к руководству на рубеже 2012–2013 гг. Си Цзиньпина ознаменовался серьезными изменениями во внешнеполитическом курсе КНР. Новый генеральный секретарь ЦК КПК и Председатель КНР радикально трансформировал установку Дэн Сяопина «держаться в тени, собираясь с силами». «Китай – это “пробуждающийся лев” при руководителе, который сосредоточил власть в своих руках и верит в возрождение национального величия Китая». Он «гордится своей твердой позицией в отношении соперников Китая» и предпочитает линию «идти до края, не переходя его», – разъяснял курс Си Цзиньпина профессор Народного университета Китая (Пекин) Ши Иньхун на заседании Европейского центра международных исследований в Берлине 24 марта 2015 г.¹

В своих программных выступлениях Си Цзиньпин поставил задачу добиваться международной поддержки «китайской мечты» – восстановления исторического статуса мировой державы. Хотя Китай еще остается развивающейся страной, сила и влияние в мировой системе позволяют ему вести политику великой державы. Но это, заявляет Си, должна быть особая «великодержавная дипломатия с китайскими чертами»².

Поскольку руководство КНР изначально выступало против «великодержавности», сделан упор именно на «китайские черты». Подчеркивается, что Китай стремится к отличной от традиционных военно-политических союзов структуре отношений –

на основе взаимной заинтересованности и всесторонности, не допускающей сосредоточения на военных аспектах и охватывающей все страны. Предложенная китайским руководителем архитектура региональной безопасности и сотрудничества была расценена за границы как прямой вызов американской системе союзов в Азии.

США – главный соперник Китая в Азии, они препятствуют гегемонистским устремлениям Пекина в этом огромном регионе. Однако при этом Пекин стремится избежать прямой конфронтации с США как на региональном, так и особенно на глобальном уровне. Официальную позицию изложил вице-премьер Госсовета Ван Ян на экономической конференции в Чикаго в январе 2015 г.: «США – мировой лидер... Китай не имеет ни намерений, ни возможности оспаривать ведущую роль США». Кроме военного преобладания, в Китае обращают внимание на «мягкую силу» США: Поднебесная не может в настоящее время предложить модель развития, которая была бы столь же влиятельна в мире, как американская³.

Это отнюдь не означает отказа от соперничества с США, где и когда это возможно. А возможно, по мнению китайских стратегов, в первую очередь, в Евразии, где Китай рассчитывает обзавестись надежным тылом для своего возвышения в качестве мировой державы. Внешнеполитические установки США в отношении Китая выглядят симметричными: соперничество с Поднебесной должно исключать конфронтацию⁴. В этих условиях и США, и КНР сосредоточивают свои усилия на обретении союзников.

У Пекина из-за наследия прошлого остается немало «скелетов в шкафу». Кроме не утихающих десятилетиями пограничных споров с Индией и ставшего уже традиционным при предшественниках Си противостояния с Японией из-за архипелага

¹ Shi Yinhong. China's complicated foreign policy. – Berlin, 2015. – n.p. (European council on foreign relations). Mode of access: http://www.ecfr.eu/article/commentary_chinas_complicated_foreign_policy311562

² Xi Jinping. Towards a Community of Common Destiny and a new future for Asia (speech Boao forum for Asia annual conference, March 28, 2015). Mode of access: http://news.xinhuanet.com/english/2015-03/29/c_134106145.htm; Swaine M. Xi Jinping's address to the Central conference on work relating to foreign affairs: Assessing and advancing major power diplomacy with Chinese characteristics. – S.I.: Hoover institution, 2015. – 19 p. (China leadership monitor. N. 46). Mode of access: http://carnegieendowment.org/files/Michael_Swaine_CLM_46.pdf

³ Explaining China's foreign policy reset // China analysis (special issue). S.I., 2015. – P. 3–4. Mode of access: [http://www.ecfr.eu/page/-/ChinaAnalysisEng_Special_issue_1503_Final_v3_\(2\).pdf](http://www.ecfr.eu/page/-/ChinaAnalysisEng_Special_issue_1503_Final_v3_(2).pdf)

⁴ Blackwill R.D., Campbell K.D. Xi Jinping on the global stage: Chinese foreign policy under a powerful but exposed leader. – N.Y.: Council on foreign relations inc., 2016. – XI, 67 p. (Council special report. N 74). Mode of access: <http://www.cfr.org/publication/allreports.html>; <http://www.cfr.org/publication/allreports.html>

Сенкаку, усиливается напряженность в отношениях с Вьетнамом и Филиппинами из-за притязаний КНР на акваторию Южно-Китайского моря.

В таких условиях нужен сильный противовес, и он есть в распоряжении руководства КНР в виде огромной экономической мощи, валютных резервов более 3,5 трлн долл. и большой зависимости стран региона от экономических связей с Китаем. Ради амбициозных геополитических целей Пекин намерен широко использовать «геоэкономические инструменты»: создание международных финансовых институтов под эгидой Китая, займы, инвестиции. Соседние страны, по убеждению китайского руководства, должны быть уверены, что выиграют от бурного экономического роста Китая, благодаря, в том числе, прямой помощи. Это «стратегия взаимовыгодного партнерства», а в перспективе – создание вокруг Китая «ассоциации стран общей судьбы», по замыслу и терминологии Си Цзиньпина.

Провозглашенные Си Цзиньпином проекты Шёлкового пути и аналогичных каналов широких международных связей Китая считаются развитием курса добрососедских отношений. В 2013 г., сразу после прихода Си к руководству страной, им были выдвинуты проекты Шёлкового пути – экономического пояса с Центральной Азией и Морского шёлкового пути в Юго-Восточную Азию. Объединяемые ныне в китайской прессе общим термином «Единый пояс, один путь» проекты «шёлковых путей» – безусловно, важнейшая стратегическая инициатива Си Цзиньпина.

Концепция Шёлкового пути соответствует изменению в самоидентификации КНР от «просто восточно-азиатской страны» к «важнейшей державе на Евразийском континенте». Это именно панконтинентальный проект. По подсчетам китайских экспертов, он должен охватить страны с населением более 4 млрд и ВВП около 21 трлн долл., 65% населения и 30% мировой экономики!¹

Соединяя Китай с Центральной Азией, Россией и Европой, «Экономический пояс Шёлкового пути», как гласит одобренный Госсоветом КНР документ, связывает «динамичный Восточно-Азиатский регион с развитой экономикой Европы и включает страны с огромным потенциалом экономического развития». А через Центральную и Западную Азию Китай «соединяется с Персидским заливом и Средиземным морем». «Морской Шёлковый путь 21 века» должен вести из Китая в Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан, а также через Южно-Китайское море – в южную часть Тихого океана. К этому двуединому Проекту в качестве дополнения

предполагается несколько «экономических коридоров» в сторону Пакистана и Индии².

Проект Шёлкового пути рассматривается в этом и других официальных документах КНР в контексте интеграции мировой экономики, равно как развития межкультурных связей и человеческого общения на благо всей цивилизации. Пекин крайне озабочен тем, чтобы проект не выглядел выражением исключительно китайской заинтересованности. Как заверял Си Цзиньпин: «Китай будет следовать принципу широких консультаций, совместного вклада и общей выгоды. Программы развития будут открытыми и инклюзивными, а не эксклюзивными. Это будет настоящим хором с участием всех стран, расположенных на данных путях, а не соло Китая»³.

Центральное место в этой политике занимает учреждение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с заявленным уставным капиталом в 100 млрд долл. Притом, что китайский представитель возглавил Банк и Китай благодаря максимальному вкладу получает блокирующий пакет (26%), Пекину удалось привлечь к участию более полусотни стран Азии и Европы, включая непосредственных союзников США. Уже одобрен первый пакет инвестиций на сумму 509 млн долл.⁴

Это – «не инструмент геополитики», нельзя рассматривать его с точки зрения «устаревшей ментальности холодной войны», заявил министр иностранных дел КНР Ван И, противопоставив Проект, узловым моментом которого явилось создание АБИИ, плану Маршалла. В прессе КНР подчеркивается, что в отличие от американского детища китайский Проект приветствует присоединение всех стран, «не спрашивая, чьи они союзники, какова их религия, каких политических доктрин они придерживаются и каковы были в прошлом их отношения с Китаем»⁵.

В пространстве Шёлкового пути Китаю встречаются две мощные геополитические силы со своими амбициями по части континентальной интеграции – Россия с ЕАЭС и Европейский союз с программами восточного партнерства. ЕАЭС не может соперничать с китайским проектом ни по финансовому обеспечению, ни по географической масштабности замысла, ни по числу охваченных стран. Другое дело военно-политические позиции России в регионе. Тут может просматриваться своеобразное разделение труда: китайский экономиче-

¹ Xue Li, Xu Yanzhuo, China needs great power diplomacy in Asia // Financial times. – 2015. Feb. 9. <http://www.ftchinese.com/story/001060539>; Swaine M.D. Chinese views and commentary on the «One belt, one road» initiative. – P. 1: Hoover institution, 2015. – P. 3 (China leadership monitor. N. 47). Mode of access: http://www.ecfr.eu/page/-/China_analysis_belt_road.pdf

² Vision and actions on jointly building Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road / National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, Ministry of Commerce of the People's Republic of China. – Beijing. March 2015. Mode of access: http://news.xinhuanet.com/english/china/2015-03/28/c_134105858.htm

³ Xi Jinping. Towards a Community of Common Destiny...

⁴ Mode of access: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/01/16/624237-v-pekine>

⁵ Swaine M.D. Chinese views and commentary on the «One belt, one road» initiative... P. 11–12.

ский локомотив движется в пространстве, безопасность которого обеспечивается мощью российских вооруженных сил, опирающихся на ОДКБ и базы в Таджикистане и Киргизии¹.

«Разворот на Восток» российской внешней политики бесспорно создал предпосылки для укрепления военно-стратегического сотрудничества между двумя странами, которое было закреплено соглашением о поставке в КНР новейших видов вооружения (противоракетных комплексов С-400 и истребителей Су-35), а также проведением масштабных совместных учений. Однако следует заметить, что Пекин не стремится к созданию военно-политических блоков, в том числе с Россией, хотя и видит в ней важнейшего стратегического партнера.

Для внешнеполитического курса Си Цзиньпина характерна сдержанная позиция в украинском кризисе. Думается, кризис поставил Поднебесную в сложное положение. Китайская делегация воздерживалась при голосовании в ООН по поводу присоединения Крыма. Будучи на стороне России в глобальном противостоянии с США, Китай неизменно выступал в защиту целостности и суверенитета Украины. И это не случайно: в самом Китае сепаратизм – болезненная проблема.

Еще важнее экономический аспект. С одной стороны, из-за ухудшения отношений России с Западом Китай добился определенных уступок, в частности в виде доступа китайского капитала в сырьевые отрасли российской экономики. С другой – напряженность в этих отношениях, грозящая

вооруженными конфликтами, создает серьезные риски для наращивания инвестиций в пространстве Шёлкового пути и тем самым препятствует задуманной континентальной интеграции.

Отношения с ЕС выглядят прогнозируемыми. Несмотря на противоречия в политико-идеологических вопросах (территориальные претензии Пекина, Тибетский вопрос, права человека) в экономической сфере наблюдается взаимный интерес и проект Шёлкового пути рассматривается как инструмент расширения взаимовыгодных связей². Вопреки настояниям США ведущие державы ЕС приняли активное участие в создании АБИИ: вклад ФРГ – 4,48 млрд долл., Франции – 3,37 млрд долл.

В китайском руководстве полагают, что у Китая нет настоящего конфликта интересов с Европой (в отличие от отношений с США). Европейскому союзу, замечает директор Центра международной политической экономии Пекинского университета Ван Юн, следует принять Китай таким, как он есть, с его особым путем развития³.

Как бы то ни было, инициатива Си Цзиньпина сулит полное изменение глобального геополитического ландшафта. Проект предвещает переход гегемонии в мире от морских держав к континентальным силам. Таким образом, его реализация может стать актом всемирно-исторического значения, поворотным пунктом в развитии мировой цивилизации со времени Великих географических открытий.

¹ Тавровский Ю.В. «Один пояс, один путь»: как его защитить? // Независимая газета. 2015. 16 окт. Mode of access: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/8974/>

² China's foreign policy and external relations. – P. I.: European Union, 2015. – 59 p. (European parliament. Directorate-general for external policies. Policy department). Mode of access: [europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/549057/EXPO_STU\(2015\)_EN.pdf](http://europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/549057/EXPO_STU(2015)_EN.pdf)

³ Wang Yong. Prospects for China's transition // Agora: Asia-Europe. – 2013. N 4. Mode of access: <http://fride.org/download/Policy%20final%2014%20con%20ISSN.pdf>

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д-р полит. наук Д.В. Ефременко

Д-р полит. наук А.И. Никитин

Канд. истор. наук А.В. Загорский

Главный редактор – канд. истор. наук Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:

http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков: 55 (на конец 2015)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-2172